

УДК 02.41.11

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И. Ю. Манакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2013 г.

Аннотация: в статье анализируются существующие в истории философии подходы к проблеме одиночества и выявляются новые основания для понимания данной проблемы в контексте современного общества.

Ключевые слова: одиночество, Другой, постмодернизм, глобализация, индивидуализация, идентичность.

Abstract: the article deals with the problem of abandonment in the modern society: the author analyses basic philosophical concepts of this theme and tries to formulate alternative basis of understanding this problem in the context of the modern society.

Key words: abandonment, Other, postmodernism, globalization, individualization, identity.

Несмотря на всю свою сложность и многоаспектность, в истории философской мысли проблема одиночества не всегда удостоивалась должного внимания, как то, что вторгается в привычный порядок более глубоких размышлений о сущности человека и бытия. Такое отношение недопустимо, поскольку именно проблема одиночества заставляет взглянуть на существование человека как на его бытие в мире, причем не абстрактного существа в абстрактном пространстве, а конкретного Я, переживающего себя и ощущающего свое жизненное пространство. Как Я осознает себя в этом мире, насколько он открыт ему, в каком отношении к человеку находятся другие люди – вопросы, которые возникают при обращении к проблеме одиночества.

В философии сложилось несколько точек зрения на проблему одиночества. Так, Б. Паскаль (и далее экзистенциалисты) указывал на изначальную заброшенность человека в этот мир, видел в одиночестве проблему, решить которую должен сам человек, обреченный на выбор своего пути. Подобную точку зрения разделял и Х. Ортега-и-Гассет, который писал: «В любом подлинно человеческом действии всегда наличествует субъект, в котором оно берет начало и который, следовательно, выступает его творцом, создателем, несет за него ответственность. Отсюда ясно: моя человеческая жизнь, которая ставит меня в непосредственную связь со всем окружающим (минералами, растениями, животными, людьми), – это, по сути, одиночество» [1, с. 529].

В иных случаях одиночество понималось как бездомность и отсутствие смысла пребывания человека в мире, рожденные из неукорененности человеческого бытия. Высказанная еще Паскалем (указывавшим на изначальные бедственность и катастрофизм человеческого существ-

воваания, на ощущение неприкаянности Я в мире), эта идея была подхвачена Н. Бердяевым и М. Бубером, понимавшими под одиночеством стояние один на один перед чуждым миром объектов.

Говоря об одиночестве как основной проблеме человеческой личности и антропологии в целом, Н. Бердяев осмысливал одиночество в двух ракурсах. С одной стороны – как негативный феномен, присущий обществу. Нахождение человека в мире, социуме, лишенном подлинных оснований для взаимодействия, переживается как «непонятость, неверная отраженность в другом» [2]. С другой стороны, одиночество приобретает и положительный смысл в качестве отпадения от анонимной реальности, возвращения к самому себе, к своему подлинному Я, которое затем преодолевает одиночество, устремляясь к необъективированному взаимодействию с Другими, которые услышат его и воспримут во всей целостности.

Подобно Н. Бердяеву, М. Бубер также видел в одиночестве путь к самому себе. Ужас одиночества и заброшенности открывал, по его мнению, дорогу к самопознанию. Выделяя в истории эпохи обустроенности и бездомности, философ ощущал все нарастающее в XX в. чувство неукорененности: «невиданное по своим масштабам слияние социальной и космической бездомности, миро- и жизнебоязни в жизнеощущении беспримерного одиночества» [3, с. 228]. В такой ситуации спасительными для человека казались два варианта существования: индивидуализм и коллективизм, которые критикуются Бубером как тупиковые в попытке человека обрести самого себя. Ни индивидуализм, ни коллективизм не могут пробиться к целостному человеку, так как довольствуются в первом случае иллюзией личности, а во втором – лишь частью человеческого Я. И если индивидуализм не замечает обращенности человека к Другому и, более того, нивелирует всякую возможность установления отношений между личностями, то коллективизм заполняет человека до краев абстрактными безличными ценностями целого, дающего защиту, но обесценивающего саму реальную жизнь. И только ощутив свое одиночество в полной мере, человек освобождается от абстрактной связи с объектами этого мира. Происходит переход от связи Я – Оно, в которой мир постигается в опыте как объект, к связи Я – Ты, лишенной обладания, но насквозь проникнутой идеей отношения. Именно в отношении Я – Ты, личности раскрываются в своей целостности, и это возможно только посредством встречи с самим собой в одиночестве. «Когда одиночка узнает Другого во всей его инаковости как самого себя, т.е. как человека, и прорвется к этому Другому извне, только тогда он прорвет в этой прямой и преобразующей встрече и свое одиночество» [3, с. 229].

Существует еще один довольно интересный подход в рамках философии трансцендентализма, наиболее полно представленный в произведении Г. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» [4]. Несмотря на, казалось бы, несовременность данного произведения, оно весьма актуально. Автор различает понятия одиночества и уединения, наделяя первое негативным смыслом. Одиночество представляет собой отчуждение от самого себя и от мира, оторванность от реального бытия и поглощенность бес-

смысленными авторитетами. Уединение же понимается Торо в положительном ключе – как путь к миру, как условие самопознания, как то, что позволяет достичь смысл собственного существования, прорываясь сквозь дебри социальных условностей.

Все перечисленные подходы так или иначе раскрывают проблему одиночества, более того, не теряют своей актуальности. Сегодня эта проблема ставится еще острее в связи с изменением условий человеческого существования. В попытке выявить более широкое основание для понимания одиночества в перспективе его анализа в контексте современного общества мы пришли к осознанию того, что таким основанием является смысл, который человек вкладывает в свое существование и без которого его бытие в этом мире становится неукорененным. Кроме того, отсутствие смысла не позволяет личности установить связь с другими людьми, что делает его чужим и обособленным.

Ощущение бездомности, о котором писал Бубер, весьма актуально сегодня. Постсовременность с полным правом может быть ярким примером эпохи бездомности, описанной философом. Расширение границ существования, своего рода разрастание мира, в котором существует и мыслит себя человек, приводит к тому, что Я утрачивает точку опоры. Ведь символический универсум в первую очередь определяется смысловыми основаниями, складывающимися и передающимися из поколения в поколение культурой каждого общества [5; 6], и именно этот смысл утрачивается в современности. Следовательно, человек не только становится проблемой для самого себя, но и не может найти свое Я в таком разрозненном пространстве.

В связи с этим интересна мысль А. Шюца, высказанная им в произведении «Возвращающийся домой», о структурировании жизненного пространства вокруг эмоционально близких элементов, составляющих дом. Под домом он понимает некую изначальную точку, с которой начинается выстраивание человеком некоего смыслового пространства: «нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем» [7]. Эта система координат заполняется различными символами, элементами, определенными способами существования, общепринятыми смыслами и значениями, которые рутинизируют наше бытие, задают строго определенные правила и схемы воспроизводства жизненных процессов и обеспечивают процесс понимания. В постмодернистском пространстве такая точка отсчета отсутствует, и для человека важной и трудной задачей становится ее установление.

В глобализирующемся обществе расширение границ, разрушение коммуникативных барьеров, стирание привычных схем существования и трансформация социальных систем приводят к тому, что у человека изменяется прежнее жизненное пространство, а следовательно, трансформируется модель интерпретации как собственного существования, так и мира в целом. Человек все более замыкается в обезличенном пространстве объектов, выполняющих определенные функции, но не наделяющих смыслом окружающую действительность. Свобода, к которой

стремилось общество, сегодня реализована во всеобъемлющем праве человека на все.

Действительно, процесс индивидуализации захватывает человека, наделяя его абсолютным правом на самобытность и уникальность. Откуда в этой ситуации рождается одиночество? Оно рождается из разрастающегося жизненного пространства, которое, будучи мозаичным и ацентрированным, абсолютно лишено четких смысловых оснований и границ. Исчезает ощущение дома как точки опоры, которая теперь с необходимостью должна быть найдена и установлена на новых, самостоятельно избираемых личностью основаниях. Однако задача, которая казалась легко выполнимой, на деле становится недостижимой. Несмотря на взрыв коммуникаций, постмодернистский человек атомарен и изолирован. Персонализация, как процесс освобождения от предписанных норм и правил, не только вырывает индивида из-под власти различных табу и дает ему право на самостоятельный выбор линии поведения и в конечном счете собственного Я, но и лишает его связи с другими. Стирание прежних предустановленных границ, определяющих его существование и образ самого себя, логически приводит к двум последствиям: с одной стороны, человек удостоверяется в необходимости достижения собственной уникальности и неповторимости; с другой стороны, провозглашенная в обществе идея всеобщего равноправия нивелирует различия.

Естественно, персонализация и индивидуализация – процессы позитивные по своей сути. Однако общество всегда идет по пути упрощения. Призывы к толерантности оборачиваются страхом перед инаковостью и стремлением сгладить противоречия. Другой исчезает, и на его месте появляется Тот же самый. Я больше не обращается к Другому в поисках самого себя, фиксируется на самом себе как главной задаче собственной жизни. Таким образом, персонализация постепенно приходит к своему негативному финалу – нарциссизму.

Главная беда нарциссизма в том, что, настаивая на собственной уникальности и стремясь к удовлетворению самого себя, человек больше не ищет диалога. Он представляет себя таким, каким он сам себя сконструировал, каким хочет быть, каким его должны видеть другие. Этот образ завершен в том плане, что не предполагает никакого действительного взаимодействия, того, что М. Бубер назвал сферой Между, где происходит встреча Я и Ты [3].

Безусловно, человек меняет свое поведение, дополняет свой образ, делая его все более привлекательным и интересным для других, но такие модификации не нуждаются в Другом как в личности. Это некий зритель, задача которого – потреблять. Не случайно своеобразным символом современной эпохи является презентация. В бесконечном круговороте презентации сегодня находится все. Человек презентует свое Я, свою деятельность, товары и услуги. И презентация предполагает Другого лишь как молчаливого зрителя. Еще Н. Бердяев писал, что «нарциссизм есть более глубокое явление, чем думают, он связан с существом “я”. “Я” смотрит в зеркало и хочет увидеть свое отражение в

воде, чтобы подтвердить свое существование в другом. В действительности “я” хочет отразиться не в зеркале, не в воде, а в другом “я”, в “ты”, в общении» [2].

Сущность нарциссизма, по мнению Ж. Липовецки, составляют одновременно наслаждение от личного освобождения и все большая фиксация на собственной персоне. Это лишь увеличивает пространство пустоты, разрастающееся сегодня между индивидами, многообразные коммуникации между которыми не затрагивают их сущности, не обогащают. Они существуют друг для друга лишь как объекты, воздействующие, но не воспринимающие. «Самовыражение ради того лишь, чтобы выразить самого себя и убедиться, что тебя слушает хотя бы микроаудитория», – пишет Липовецки [8, с. 31].

Знаковым в данной ситуации является вновь возросший интерес современных философов (М. Бланшо, Р. Барт, Ж. Батай, С. де Бовуар) к творчеству Маркиза де Сада. Возникает ощущение, что интуиция человека-одиночки, возникшая у де Сада, нашла благодатную почву в культуре постмодерна. Действительно, безразличие ко всему вне себя, настойчивое утверждение собственных желаний, свойственные для постмодернистского индивида, – вот то, что сближает садовских героев с современными людьми. «Это убедительный образ человека, который перестал принимать во внимание другую личность», – писал Ж. Батай о суверенном человеке де Сада [9, с. 122]. И далее: «Нравственное одиночество означает снятие тормозов: оно придает глубинный смысл нашим затратам. Кто допускает ценность другой личности, непременно себя ограничивает» [там же, с. 126].

Вседозволенность, жестокость, которые провозглашает де Сад, являются отрицанием реальности, в которой наравне со мной существуют другие, и утверждение безграничной воли собственного Я. Однако такое упоение собой неизбежно ведет к одиночеству, которое, впрочем, де Сад считал изначально присущим человеку. Однако это одиночество не несет никакого созидания. Это одиночество абсолютно негативно, оно не только ставит черту между человеком и миром, но и в конечном счете, отвергая Другого, отрицает самого человека.

«Эта философия – философия заинтересованности, более того, всеобщего эгоизма. Каждый должен делать то, что ему приятно, он не имеет другого закона, кроме своего удовольствия» [10, с. 51].

Общее смысловое пространство более не является необходимым условием коммуникации, которая теперь ведется одиночками. Вся масса коммуникаций, заполняющих современное информационное пространство, свидетельствует только об одном: не всегда осознавая свое одиночество, люди, тем не менее, тотально одиноки. И те частота и интенсивность, с которыми они поглощают информационные ресурсы, являются признаком их невозможности быть услышанными. Из социального пространства не исчезают символы и смыслы, но фрагментируются, рассеиваются и не являются более структурированными в рамках определенного жизненного пространства человека. Это и становится основной причи-

ной одиночества в современном обществе. Культура с необходимостью должна создавать и транслировать определенные смыслы, создавая тем самым устойчивую мировоззренческую основу для возможности выхода из одиночества.

«Человеку как воздух необходимо достигать согласия с самим собой, понимать, во что по-настоящему веришь, что любишь, а что ненавидишь», – писал Х. Ортега-и-Гассет, но это возможно лишь в рамках смыслового пространства [1, с. 484].

Подводя итог, можно определить одиночество в современном обществе как утрату человеком смысловых оснований для подлинной встречи с Другим и собственным Я. Эта ситуация в целом объективна и логична ввиду сложившихся социокультурных обстоятельств, но разрушение прежнего смыслового пространства должно быть проблематизировано и понято в качестве отправной точки для нахождения и построения новых мостов между индивидом и миром.

Литература

1. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди / Х. Ортега-и-Гассет // «Дегуманизация искусства» и другие работы : эссе о литературе и искусстве : сборник. – М. : Радуга, 1991. – 638 с.
2. Бердяев Н. Я. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н. Я. Бердяев. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/berdyayev_nikolay_aleksandrovich/ya_i_mir_obektov/read
3. Бубер М. Проблема человека / М. Бубер // Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – 462 с.
4. Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу / Г. Д. Торо. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/TORO/walden.txt>
5. Кравец А. С. Три парадигмы смысла / А. С. Кравец // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер.: Философия, 2004. – № 6. – С. 22–25.
6. Кравец А. С. Понимание смысла социальной деятельности / А. С. Кравец. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008. – 301 с.
7. Шюц А. Возвращающийся домой / А. Шюц. – Режим доступа: <http://musa.narod.ru/schutz1.htm>
8. Липовецки Ж. Эра пустоты : эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – СПб. : Владимир Даль, 2001. – 330 с.
9. Батай Ж. Суверенный человек Сада / Ж. Батай // Маркиз де Сад и XX век. – М. : Культура, 1992. – 256 с.
10. Бланшо М. Сад / М. Бланшо // Маркиз де Сад и XX век. – М. : Культура, 1992. – 256 с.

Воронежский государственный университет

Манакова И. Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

Тел.: 8-960-123-83-42

Voronezh State University

Manakova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

Tel.: 8-960-123-83-42